

СЕРИЯ «ТВОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ»

Е. Булгакова

Шарик

Художник Т. Фадеева

Детская литература

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*. Редактор *О. Бачурина*. Корректор *О. Назаренко*.
Технический редактор *З. Кондрашова*. Верстка *М. Алимпов, Е. Воронова*

Подписано в печать 04.07.2008. Формат 84 x 108/16. Тираж 15 000 экз. Заказ №

Издательский Совет Русской Православной Церкви.
119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Оптовый отдел реализации: (495) 246-20-85, 246-52-08
Магазин: (495) 245-30-68

ISBN 978-5-94625-246-1

© Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008
© Фадеева Т., иллюстрации, 2008

СЕРИЯ «ТВОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ»

Е. Булгакова

Шарик

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва 2008

Часть первая

Стоял тёплый февральский день. С крыш капало, вдоль тротуаров бежали потоки мутной воды, а снег, почерневший и осевший, сгребался дворниками в кучи и складывался на телеги. Дуня быстро шагала по грязной улице, бережно неся судки с постным борщом и гречневой кашей. Каждый день ровно в двенадцать часов ходила она в соседний трактир за борщом и всегда спешила обратно к тому столику на Смоленском рынке, за которым сидела тётка Матрёна, торговавшая вязаными перчатками и чулками. У Дуни никого не было на свете, кроме тётки Матрёны. Она знала, что тётка Матрёна подобрала её совсем маленькой, когда мать Дуни умерла от какой-то болезни, а отец исчез неизвестно куда. И с тех пор Дуня никого не знает, кроме «тётеньки»,

и любит её всей душой. Вот и сейчас: она думает о том, как бы не остыл борщ, потому что знает, что тётка Матрёна любит похлевать именно горячего борща. Как только Дуня издали увидела знакомый столик, она громко закричала:

— Несу, несу, тётенька!

Тётка Матрёна торговала за складным столиком и каждый день уносила этот столик вместе с товаром к себе на квартиру. Но на рынке есть и постоянные балаганы, которые на ночь только закрываются. В них торгуют ситцами, платками, сшитыми рубахами, платьями, игрушками... Особенно много толчется народу по праздничным дням, когда из соседних деревень приезжают крестьяне с деревенским товаром: овощами, сеном, мётлами, лопатами. Приводят также продавать скотину, отощавшую от деревенской бескормицы.

На рынке всегда невообразимая давка. Дуня поспешила к тётке и вдруг почувствовала, что у её ног копошится что-то твёрдое и тёплое. Дуня нагнулась и увидела бурого щеночка. Ей очень захотелось поставить судки в грязь и взять на руки щенка, но зычный голос тётки Матрёны уже гремел ей навстречу:

— И что это ты, девонька, в грязи возишься? Али не знаешь, что у меня с раннего утра маковой росинки во рту не было! — Дуня вся вспыхнула и поспешила к складному столику, на котором навалены были вязаные перчатки и чулки. Тётка Матрёна очистила уголок стола, взяла из-под вороха перчаток деревянную ложку, сняла крышку с судка и, усевшись на складной стул, принялась хлебать борщ.

— Грешный человек! Люблю горячего борщу похлевать! — говорит она фразу, которую повторяет каждый день.

Дуня пользуется моментом и бежит к щенку. Он жалобно визжит и барахтается в грязи.

— Бедная собачка! Какая ты грязная! — восклицает Дуня и берёт в свой подол выпачканного щенка.

— Эка невидаль какая! Дрянь какую-то нашла. Брось, тебе говорят, брось, — накидывается на Дуню тётка Матрёна, когда Дуня старается привести щенка в порядок.

Во всяком другом случае Дуня послушалась бы тётку Матрёну, но сейчас она не верит в искренность её слов, она знает, что и сама тётка Матрёна жалеет и любит всякую Божью тварь.

Тётка Матрёна уже успела похлебать борща, поест гречневой каши, а теперь сидит, грузная и толстая, отдуваясь, как после горячей бани. Она ест как следует только раз в день, но зато наедается до отвала.

— На, ешь! — говорит она Дуне, подвигая остатки борща и каши. Но Дуне очень хотелось бы накормить щеночка, и она подносит ему полную ложку борща. Щенок фыркает и расплёскивает жидкость.

— Полно, брось. Авось придём домой, мы ему молока раздобудем, — говорит, улыбаясь, тётка Матрёна.

Дуня успокоилась и принялась есть. Когда ударили к вечерне, тётка Матрёна перекрестилась и начала укладывать свой товар.

— Нонче торговля была плохая, — ворчала она, — и то сказать: зима кончается, и никто не хочет перчаток брать. Надо подумать, чем бы ещё торговать.

Когда наставала весна, тётка Матрёна выкладывала на своём столике баранки, копчёных селёдок, грибы...

Она завязала товар в узел, который положила на санки поверх сложенных столика и стула. Щеночка посадили на узел, и обе, тётка Матрёна и Дуня, повезли санки по направлению к дому. Дуня всю дорогу думала о том, как бы назвать щенка.

— Назову Шариком! — решила она.

Тётка Матрёна занимала полкомнаты в полуподвальном этаже. Туда проникал лишь скудный дневной свет, и потому почти всегда горела тусклая лампа. Остальную половину комнаты занимала прачка. Прачка Варвара была старая, костлявая, седая и всегда сердитая, быть может оттого, что у неё никого на свете не было. Варвара сейчас же увидела, что Дуня принесла щенка, и разразилась бранью:

— Это что за дрянь ты принесла?! Блох разводить... Нет, шалишь, не позволю я, чтоб комнату пачкали... Обей их прогоню. — Но и тётка Матрёна в долгу не осталась.

— Вишь, какая барыня! — отвечала она не менее грубо. — Выгонишь? Да какое ты имеешь полное право? Небось за полкомнаты-то я плачу.

Дуня не обращала на них никакого внимания: она привыкла к тому, что эти две женщины постоянно между собою переругиваются, что, однако ж, не мешало им относиться друг к другу хорошо. Она молча устроила постель для Шарика в пустом ящике и терпеливо ждала, когда тётка Матрёна сдержит своё обещание. Тётка Матрёна вскоре принесла откуда-то полную чашку молока. Она села на пол, взяла Шарика на колени и принялась тыкать его мордой в молоко, но прошло много времени прежде чем Шарик понял, в чём дело, и принялся лакать молоко. Тётка Матрёна, вся красная от волнения, улыбалась счастливой улыбкой, и даже прачка Варвара отошла от своей лохани с мокрым бельём и, забыв свой недавний гнев, говорила с добродушной улыбкой:

— Тоже ведь тварь Божья, а всякая тварь кушать хочет. Ешь, милоч, ешь, благо добрые люди нашлись.

И она растроганно вздохнула.

Щенок рос не по дням, а по часам. Он сделался большим, живым и понятливым. Когда Дуня ходила в трактир, он бежал за нею следом, не отставая ни на шаг. Пока девочка брала обед для тётки, Шарик всегда оставался на крыльце и терпеливо ждал. Получив обед, Дуня выходила на крыльцо, и вместе с нею выходили дети трактирщика: Петька, Васька и Нюшка. Они неизменно восхищались щенком, хвалили его масть и завидовали Дуне.

Дуня улыбалась, как улыбается счастливая мать, ребёнком которой восхищаются.

Часть вторая

Наступил март, и солнце пригревало с каждым днём всё сильнее и сильнее. Снег совсем почти стаял, оставаясь лишь в затенённых местах. В светлых лужах весело купались воробьи, и голуби ворковали по-весеннему. Дуня пришла к трактиру и, прежде чем войти, читала Шарiku наставление:

— Ты у меня смотри, Шарик, никуда не убегай. Сиди тут, грейся на солнышке и жди меня. За голубями не гоняйся: я знаю, что ты это любишь.

Шарик вертелся около ног, вилял хвостом и смотрел на свою хозяйку лукавыми глазами. Дуня скрылась за дверью трактира. Ни Васьки, ни Нюшки в трактире не было. Петя появился лишь на минуту и задыхающимся от волнения голосом прокричал отцу:

— Тятя, дай пятак: шарманщик во дворе, и обезьянка пляшет.

— Будет тебе пятак! — проворчал отец, однако же протянул сыну медную монету.

— Дунь, подь во двор, — позвал Петя. Дуня не могла устоять против соблазна: она отнесла судки в кухню, где хлопотала жена трактирщика, а сама прошла задним крыльцом во двор вслед за Петькой. Во дворе было много детей, и все они жадно глядели на обезьянку, которая под звуки шарманки плясала, приседала, кланялась, кувыркалась через верёвку, которую держал мальчик-болгарин, и затем, вытянув руку с фуражкой, обходила публику. Петя с гордостью бросил в фуражку пятак. Тут же были и Вася, и Нюша, которые с завистью поглядели на брата.

